

## **XI Балканские чтения «Балканский спектр: от света к цвету»**

22-24 марта 2011 г. в Центре лингвокультурных исследований «Balcanica» Института славяноведения РАН при поддержке РФФИ (грант №11-06-06022г) прошли очередные, XI Балканские чтения «Балканский спектр: от света к цвету». Уже с самых первых симпозиумов по балка-

нистике (60–70-е гг. XX в.), которые положили начало регулярным (раз в два года) Балканским чтениям в Институте славяноведения, была сделана установка, во-первых, на междисциплинарность обсуждаемой проблематики, во-вторых, на реконструкцию древнейших компонентов балканского культурного текста и, в-третьих, на главенствующую роль семи-

отических подходов в изучении и интерпретации материалов. Программным для научных встреч подобного рода стал текст В.Н. Топорова, опубликованный в качестве предисловия к сборнику «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23-24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации.)». М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1972; републикация: (Мартеница. Mărțișor. ΜΑΡΤ'Σ. VERORE... Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года. М.: ИСЛ., 2009).

XI Балканские чтения были посвящены многостороннему анализу концептов света и тьмы, а также цветовой палитры в балканских текстах разного рода от древности до наших дней (в рамках балканской картины мира). К основной лингвокультурной теме была добавлена и собственно лингвистическая – «Актуальные проблемы балканского языкового союза (БЯС)». Однако «вариаций на заданную тему» оказалось намного больше, и даже в, казалось бы, чисто лингвистических докладах слышались отзвуки темы света и цвета.

Всего же на конференции прозвучало 30 докладов российских и зарубежных ученых. Гостями Института славяноведения стали видные иностранные лингвисты-балканисты, этнологи и мифологи из 8 стран. На конференции выступили и молодые исследователи – аспиранты из Москвы и Санкт-Петербурга.

«Цветоведение» сегодня – весьма разработанное направление в отечественной и зарубежной филологии и этнологии (см. на русском языке работы Р.М. Фрумкиной, Н.В. Серова, издания под ред. А.П. Василевича и др.). Добавление универсальной, базовой категории света, связанной со зрением и с жизнью, в проблематику конференции и сосредоточение на балканском ареале (с заходом в небалканские славянские земли) расширило и углубило задачи исследователей.

В первом докладе был поднят вопрос о неконвенциональности языка и о важности перво-человеческого опыта в кодировании окружающего мира, в том числе через понятия света и цвета и через зрение. Б. Джозеф (США) анализировал звуковой символизм лексики, обозначающей свет и горение в греческом и албанском языках. По мнению ученого, отдельные звуки и звукосочетания, не обладающие морфологическим статусом, несут в себе идеи света, огня, горения и пр. Если в английском такая семантика приписывается кластерам *gl-* (*gleam, glow, glisten, glitter*), то в балканских значения жжения, горения, блеска можно усмотреть в греческом сочетании (*ts + V*): *tsíkva* ‘пахнуть паленым’, *tsourouflízo* ‘жечь’ и в албанском

(*dz + V*): *xixëlloj* ‘искриться’.

Символическое развитие цветовой палитры в социальном плане с учетом эволюционных процессов на примере архаического треугольника «белый-красный-черный» рассмотрел в своем докладе В. Фридман (США). Противопоставление «белый – не белый» применительно к цвету кожи актуально не только для родной для ученого Америки (а сейчас сознательно нивелируется, особенно с современным развитием политкорректности), но и к Балканам, где, например, «белое лицо» служит в фольклоре устойчивым описанием красавицы, а «черный» относится к «чужому», «уродливому» и «опасному». Эта цветовая терминология имеет национальные лингвокультурные коннотации: так, в переводе на английский «белый» применительно к коже, лицу может передаваться как *fair* и *pale*, при этом первое будет иметь позитивную эстетическую оценку, а второе негативную (– больной, бледный). В. Фридман, рассуждая о стилистике заимствований в ЛСГ «Цвет» в словарях балканских языков, обратился к неисследованной теме обозначения породы голубей в Македонии (разведение голубей – традиционное занятие в балканских странах) и пришел к выводу, что самые ценные породы обозначаются заимствованиями, «не свои» цветовые термины (например, турецк. *beaz* ‘белый’ вместо макед. *bel*) более престижны.

*Homo balcanicus* в его отношении к категориям света и тьмы исследовался в совместном докладе П. А с е н о в о й (Болгария) и У. Д у к о в о й (Германия). Они рассмотрели: 1) развитие в балканских языках терминов эмоционального состояния человека (‘мрачный, угрюмый’), образованных по двум семантическим моделям (от ‘темный’, представленного в болгарском, румынском и албанском, и ‘покрытый облаками’, представленного в греческом, албанском и арумынском), и 2) ареалы пассивности-активности глаголов, условно соответствующих русск. ‘застать рассвет’ и ‘застать закат’ (болг. *осънвам* и *замиръквам*). Исследовательницы таким образом подтвердили наличие арсального континуума, в котором доминирует греческий, оказавший сильное влияние на албанский и арумынский.

Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург) сосредоточился на теме исторического изменения цветовой палитры (на примере Древней Греции и Древнего Рима) и связал древние греческие цветообозначения микенского периода с хозяйственной лексикой. Он представил также несколько этимологий, соотносящих астрономические объекты с идеями светозарности, блеска и цвета.

Э. Ц р в е н к о в с к а (Македония) проанализировала концепт «свет» и соответствующую

лексику в старославянской переводной гимнографии, представляющей на Балканах в основном византийские модели. Свет как ключевое понятие средневековых христианских текстов, важная часть этимологических фигур октоихов, триоди и др. сакральных текстов соотносится и со смежными понятиями блеска, светлого, сияния и эксплицируется в том числе и в «предметных» лексемах *свеча*, *светило* и под. Концентрация «световой» лексики служит ярким авторским стилистическим приемом Климента Охридского и помогает определить авторство перевода некоторых текстов.

Цветовая гамма была в центре исследования искусствоведов. Так, Л.И. Акимова (Москва) рассмотрела семантику раннегреческого хроматизма на примере крито-микенского памятника – расписного саркофага 1400 г. до н.э., уделив особое внимание семиотике синего цвета в его соотношении с желтым как параллели более глубокой оппозиции «черное – белое». Н.Н. Злыднева (Москва), исследуя балканскую живопись как текст, обнаружила модели, общие для изобразительного и вербального искусства: переход цвета в свет, оксюморонное сближение противоположностей (черного и белого, черного и красного) и др. Доклады о художественных текстах во многом соприкасались с исследованиями цветообозначений в языке. Т.Ф. Теперик (Москва) проанализировала колористическую семантику у Вергилия в связи с психологическим состоянием, что важно для обозначения в языке невербальных жестов и состояний через изменения цвета.

А.А. Новохатько (Фрейбург) акцентировала типично балканское преломление света и мрака в семиотическом аспекте – развитую символическую полисемию и амбивалентность: так, аэды слепы, но тьма для них – это прозрение. На примере древней аттической комедии исследовательница показала, что в гомеровской космогонии тьма имела первостепенное значение как мрак потустороннего мира; тьма же в политических и социальных установках задавала другую оппозицию (полис – это культура света и порядка, противопоставленная тьме варварства).

Семиотика света и тьмы, колористика была рассмотрена И.А. Седаковой (Москва) на примере «эталонного» балканского романа современного македонского писателя П.М. Андриевского «Пырей», написанного в стилистике магического реализма. Лексика, связанная с идеями света и тьмы, выявляет балканизмы, противопоставляя македонский словарь другим славянским и сближая его с греческим. Амбивалентность световых и цветовых категорий (тьма как горе и тьма как радость и др.), светил (солнца, которое проклинают и, наоборот, бла-

гословляют), снятие оппозиций (соединение белого и черного в традиционной обрядности по «изгнанию» из села эпидемии) – типичная черта балканской модели мира, которая нашла последовательное отражение в македонском романе.

Л. Попович (Сербия) на материале цветообозначений в сербском, русском и украинском фольклоре показала роль архаического противопоставления визуальных характеристик ‘блестящий’ и ‘без блеска’, которое предшествовало возникновению собственно колористических понятий, в развитии метафорических значений. Именно это противопоставление эксплицитно и имплицитно представлено в фольклоре и позволяет выстраивать синонимические и антонимические колористические ряды, которые в других дискурсах кажутся алогичными. Тему цветового символизма в фольклоре продолжил З. Шмитек (Словения). Он представил обзор цветовых коннотаций в словенском фольклоре, включив сюда и показатели «золотой» и «серебряный», столь важные для традиционной картины мира. Несмотря на кажущуюся однозначность символики основных цветов, в фольклоре и этнографии постоянно встречается противоречивая аксиология одного цвета (например, желтый у балканцев – это и цвет высшей эстетической ценности реалии, и признак болезни). О.В. Белова (Москва) суммировала представления о цветовом спектре в традиционной культуре, основываясь на материалах этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Т. 1–4. М., 1995–2009). Хроматические параметры охватывают все сферы народной жизни, служат маркером и типичного свойства, и наоборот, специфичности объекта (явления). Изменение цвета – значимый мотив в фольклорно-мифологическом контексте, он органично входит в эсхатологические и др. легенды. «Цветовые» статьи «Славянских древностей» показывают балканославянскую специфику народной колористики.

М. Менцей (Словения) и Л.Н. Виноградова (Москва) в своих докладах исследовали тему огня и света применительно к особым, «светящимся» ночным духам. Множественность «огоньков» и их постоянное движение («мерцание») находит и лексическое выражение (‘огоньки’, ‘свечки’, ‘блуждающие лучики’ пр.). Докладчицы пришли к выводу о том, что эти мифологические персонажи связаны с представлениями о загробном мире и символизируют души умерших, поскольку огненная стихия традиционно воспринимается как одна из ипостасей человеческой души.

Выступления, основывающиеся на этнографических материалах, выявили иные аспекты изучения балканского спектра, в частности,

возможности установления хронологии появления цветообозначений. Например, А.А. Н о в и к (Санкт-Петербург) в докладе об албанском национальном костюме объяснил позднее появление таких цветов как оранжевый и соответствующих терминов возможностью получения этого цвета только с помощью искусственных красителей, пришедших в Албанию сравнительно недавно. Он описал также историческое византийское и славянское влияние на албанский спектр, что нашло отражение в народной одежде.

А.П. Я к и м о в а (Москва) рассмотрела цвет как маркер возраста в болгарском национальном костюме и проследила развитие цветовой гаммы от «бесцветности» младенчества (белых пеленок) через апогей в развитии цветовой гаммы - доминирование красного и многоцветной вышивки в свадебном убранстве - к столь же «бесцветной» старости (темные одежды, отсутствие вышивки) и погребально-поминальной одежды (белый саван, черный и белый балканский траур). Белый и красный цвета как традиционные цвета-обереги, призванные также обеспечить здоровье («кровь с молоком») в румынской и болгарской календарной обрядности марта, были подробно описаны в докладе Н.Г. Г о л а н т (Санкт-Петербург).

А.А. П л о т н и к о в а (Москва) на примере поверий о «рожденном в цветной рубашке» обратилась к этнолингвистической географии и проблемам балканских взаимовлияний. Так, представления о том, что рождение ребенка в рубашке определенного цвета служит знаком демонических качеств, ограничиваются западной частью Южной Славии, что, по мнению докладчицы, возможно, объясняется известным в балканистике фактом наличия романского субстрата в этом регионе.

Л. Р а д е н к о в и ч (Сербия), анализируя красный цвет в погребальной обрядности и народной демонологии славян, напомнил, что красное соотносится прежде всего с кровью и с огнем, и это находит многоплановое выражение в лексике и обрядности. На сходном материале албанской традиции Приазовья Д.С. Е р м о л и н (Санкт-Петербург) показал, что архаическая цветовая триада является основной моделью формирования колористической символики. Белый цвет ассоциируется с чистотой, божественным и раем, черный с грехами, трауром и адом. Красный цвет символизирует мир живых и образует оппозиции по этому признаку и с черным, и с белым.

Народная ботаника, активно разрабатываемая в последние годы в этнолингвистике, дала несколько направлений для исследований света и цвета. В когнитивном плане А.Б. И п п о л и т о в а (Москва) сравнивала вербальное описа-

ние цветовых характеристик растений с избирательностью и условностью их отображений в средневековых травниках. В.Б. К о л о с о в а (Санкт-Петербург) на примере «огненных» растений рассмотрела этимологические модели, схемы семантических переносов и южнославянскую специфику континуантов *\*gor-/žer-* 'гореть'.

А.Е. Т у н и н (Москва) в сообщении о цветовом коде в новогреческих загадках, где цветовой эпитет всегда важен, затрагивал когнитивные аспекты цветовой окраски. Окраска как важное свойство загадываемого предмета может входить в текст загадки и эксплицироваться или передаваться имплицитно, через другие коды (например, пищевой: солнце как мед, масло и др.).

Отдельное заседание было посвящено балканской лингвистике и диалектологии, на котором ученые обсудили важнейшие аспекты БЯС, анализируя конкретные языковые данные в рамках осуществляемых ими научных проектов. Р. А л е к с а н д е р (США) показала, ссылаясь на проект А.Н. Соболева «Малый диалектологический атлас балканских языков», что даже небольшое исследование современных диалектов, в ее случае болгарских, несмотря на «модернизацию» быта и стандартизацию языков в наши дни, даст ясную картину сохранности «балканскости». Причем языковые данные, по мнению исследовательницы, отчетливо соотносятся с балканской моделью мира. К такому же выводу пришла и Е. А д а м у (Франция), которая на примере так называемых «помакских» говоров болгарского языка в Турции показала сохранение трехчленных форм определенного артикля и их корреляцию с категорией времени, что в свое время описывали Т.Н. Свешникова и Т.В. Цивьян.

А.Ю. Р у с а к о в (Санкт-Петербург) исследовал особенности диалектов албанского языка (с подробным экскурсом в историческую диалектологию) в районе Дибра, часть сел которого находится на территории Албании, а часть - Македонии. Политическая граница, однако, не стала границей языковой. Е. Б у ж а р о в с к а (Македония) рассмотрела семантику и прагматику македонского глагола *сака*, соединяющего в себе значения 'хотеть', 'нравиться' и 'любить', что нехарактерно для других южнославянских языков, но типично для албанского и арумынского.

Завершил это заседание доклад А.Н. С о б о л е в а (Санкт-Петербург / Марбург), который представил новое прочтение научно-исторических взглядов на балканский языковой союз (Т.М. Николаева после оживленной дискуссии предложила ему опубликовать этот доклад в «Вопросах языкознания» в разделе «Из

истории науки»). Созвучной этой теме стала презентация П. А с е н о в о й (Болгария), которая представила библиографию публикаций в болгарском журнале «Съпоставително езикознание» за 34 года его существования.

К конференции был выпущен сборник тезисов и материалов «Балканский спектр: от света к цвету» (М.: Пробел, 2011. 200 с.), в котором опубликовано 40 статей. Некоторые авторы, к сожалению, не смогли участвовать в этой встрече, но их статьи (например, Вяч.Вс. Ива-

нова «Семнотика и нейросемнотика цвета», Т.В. Цивьян «Балканский цвет в мозаиках Газанфера Байрама») цитировались и обсуждались в дискуссиях.

*И.А. Седакова*

*Сведения об авторе:*

Ирина Александровна Седакова  
Институт славяноведения РАН